

Марина Ганфайтер

Виртуальное счастье

Марина Ганфайтер

Виртуальное счастье

<https://litres.ru/74200574>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга представляет собой сборник рассказов. Они о сложностях виртуальной любви, о том, как нелегко найти в жизни своё счастье и что нужно для того, чтобы его сохранить. Эта книга заставляет читателей задуматься о себе, о своём месте в жизни.

Содержание

Глава	4
Глава	25
Глава	28
Глава	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Марина Ганфайтер

Виртуальное счастье

Глава

Крымская сага

Если бы кто-то раньше сказал мне, что на моё жизненно важное решение может повлиять случайная встреча с незнакомым человеком, я бы просто рассмеялся. Но такая встреча была, и она многое изменила в моей жизни.

Нас познакомил mail.ru. Первое, что бросилось мне в глаза, – её удивительно длинные ноги на фото. Девчонку с такими ногами парню просто нельзя не заметить. Это потом уже сложилась картинка из её карих глаз, многозначительной улыбки, маленькой упругой груди, но первыми всё-таки были ноги. Ум и весёлый характер Лили я оценил позже, когда она легко согласилась на встречу и заявила, что неудержимо жаждет меня увидеть. Мы жили в разных странах, я – в России, она – на Украине, и местом нашей встречи стал поезд «Киров-Симферополь». Она села в него в Харькове, и мы, как школьники, минут десять присматривались друг к другу с восхищением и предвкушением того, что нас ожидает. А ожидал нас Крым. Кто не был в Крыму, не знает,

что это райское место для влюблённых. Ведь Крым – это не только виноградники и дворцы, каньоны и пещеры, загорелые телесные покрывала пляжей и винные реки, Крым – это бессонные ночи у моря, безумные танцы на обрыве, это яркие закаты, рождающие желание жить и другие, менее романтичные желания, это незабываемые мимолётные встречи, которые пытаешься, но не можешь забыть, потому что ярче, сильнее и раннее уже ничего не будет...

В купе нас было трое: я, Лиля и ещё один мужчина, ехавший из Кирова. Попутчику на вид было чуть больше тридцати, среднего роста, плотный, какой-то непоседливый, он почти не находился в купе, выходил то покурить, то отыскать пиво на одной из станций. Мне как-то не пришло в голову, что делает он это из деликатности, оставляя нас с Лилькой вдвоём. Он много говорил и улыбался. Лильке он понравился сразу. Я даже немного ревновал, потому что этот третий угощал её шоколадом, фруктами, смешил анекдотами, которых знал тысячи, и рассказами о своей жизни, опередил меня и подал с верхней полки матрац, даже непринуждённо расправил его, как будто Лилька – не моя, а его девушка. Звали парня Сергеем и ехал он к своим родственникам в Евпаторию.

– В следующее воскресенье день военно-морского флота, хочу попасть в Севастополь, – раскрыл свои планы сосед. – Служил я там несколько лет назад. Вот уж погуляю, оторвусь, напьюсь пива!! Друзей повидаю.

Рассмешил Лильку очередной серией своих баек и ушёл в тамбур курить. Вернулся озадаченный:

– Вот гады, а! Таки стянули с меня шестьсот рублей! Как думаешь, это много? – спросил у Лили, она одна из нас троих была украинкой. – И что это за закон такой дурацкий? Где же тогда и курить, как не в тамбуре? Что, в Украине такой закон до сих пор ещё есть?

– Наверное, есть, – с сомнением произнесла Лиля, так как была очень далека от разных законов. Студентка второго курса медицинского, она в человеческих болезнях разбиралась гораздо лучше, чем в юриспруденции.

– Ещё и с поезда хотели ссадить!

– Хорошо, что не пошли с ними, – поддакнула Лиля, – отстали бы – и что тогда?

– Ну, везёт, так везёт! – засмеялся наш попутчик. – И ведь не в первый же раз вот так влипаю! Два года назад точно такое со мной случилось, в этом же поезде.

Мы помолчали. Лилька как-то грустно вскидывала на меня свои карие, успевшие мне полюбиться глазищи. Мы только встретились, а она уже думала о том, что спустя неделю придётся расстаться, возможно, навсегда. Мы, мужчины, к таким вещам относимся спокойно, а у женщин на первом плане излишние эмоции.

Сергей тоже молча сидел и смотрел в окно, было видно, что он о чём-то думает, взгляд был отрешённым, ушедшим в себя, а не в пролетающие мимо августовской степи.

– Надо же, вспомнилось, – сказал как бы сам себе и вздохнул.

– Что вспомнилось? – тут же откликнулась Лиля.

– Женщину одну вспомнил. Виделись в Крыму.

– А почему вспомнили?

– Да знакомство наше началось как раз с того, что рассказывал ей эту вот историю в поезде.

– Курортный роман? – подключился и я, намекая на то, что у нас с Лилькой что-то похожее.

– Для романа было маловато дней и возможностей, – ответил Сергей. – Скорее, крымская сага.

– Расскажите, – попросила Лилька. – Интересно же.

История оказалась банальной, такие бывают у каждого курортника: встретились и расстались. Но рассказывал он её так, что хотелось слушать и слушать. И было заметно: что-то ещё тревожит его, не даёт забыть эту историю.

– Ехал я тогда точно так же к своей тётке в Евпаторию, – рассказывал Сергей. – Мы не виделись много лет, я уже и не помнил, как она выглядит. И меня она узнала бы с трудом. Разве что я очень был похож на маму, её сестру. В вагоне было жарко, душно, только курением и спасался. И вот уже на таможне меня припёр патруль, мол, курить в тамбуре запрещено, якобы есть у вас в Украине такой закон. Хотели содрать с меня кучу денег, но я отказался, тогда заговорили о протоколе. «Составляйте», – говорю. Попытались с поезда ссадить. Э, нет, думаю, поезд у меня российский, пока я в

нём – стало быть, на своей территории. Отдал я им какие-то деньги, чтобы отстали. Плюнул в сердцах, что моё путешествие так начинается. Я вообще везучий в этом смысле, всегда встречаю в какие-то истории...

– Ну, а когда же о женщине? – нетерпеливо встала Лиля.

– Будет и женщина, всё по порядку. Выходить из поезда – надел я белый костюм. Все мужики – как мужики: в шортах, голые по пояс, а я, как дурак, в белом костюме. Мама просила. Встретили меня и тётка, и дядька, сестра Сонька прискакала. Дядька у меня в СБУ полковник, в Евпатории уважаемый человек, фамилию его называть не буду. Приняли они меня по-нашему, как на севере. Тётка каждый день что-то вкусное готовит, обижается: мало ем. Сонька в ночной клуб повела. А дядька ключи от дачи дал, она у них прямо рядом с морем. Надо – могу туда ехать. Ну, о даче – это особая история...

– Да, да, о даче не надо, – перебила Лиля. – Лучше о романе с этой женщиной.

Сергей засмеялся нетерпению Лильки, все женщины одинаковы.

– Хорошо, о романе, – согласился он. – Узнал я, что за городом есть хороший пляж «Солнечный рай», вода там чище, держит его какой-то Арсен. И пляж этот вроде бы нудистский. Дай, думаю, съезжу, позагораю голышом, на девушек обнажённых посмотрю.

– Надо и нам туда съездить, Рома, – заявила мне Лиля.

От её слов меня в жар бросило. Ничего себе путешествие начинается!

— Ну, вот, сижу я на пляже, обычном, потому что нудистский власти прикрыли, — продолжал сосед. — И пью третью бутылку пива, изучаю окружение. Много интеллигентов, говорят сразу на нескольких языках, спорят на какие-то непонятные мне темы. Есть семьи: дедушки, бабушки, детки, внуки. Есть залётные вроде меня. Искупался пару раз, волны сильные были, далеко от берега отплывать не стал, развернулся лицом к пляжу и наблюдаю.

Бросилась мне в глаза одна блондинка, не худая, худых не люблю, обнять даже не за что. И с остальным ничего: видная грудь, длинноногая. Может, кому-то она и покажется некрасивой, но мне приглянулась сразу: улыбается широко, по-русски, движения плавные и быстрые. В воду входит — не пищит, не вздрагивает, словно прохлады морской не чувствует. Плавает с удовольствием, далеко, волн не боится. А ещё не манерная, естественная.

Наблюдал я за нею с час, а может, и больше, подойти и познакомиться как-то не решался, всё мялся на своём полотенце, взял в кафе и прикончил уже пятую бутылку пива. Смотрю — выходит моя блондинка из воды, я за фотоаппарат и клац! Сделала вид, что не заметила. Уже хорошо! А в воде её подруга плещется. Вошёл я опять в море освежиться и вижу, как она видеокамерой подругино ныряние снимает. Попал и я в кадр, когда выходил, меня волна чуть не вышвырнула на

берег. Тут уж моё стеснение рассыпалось, то ли от выпитого пива, то ли от того, что в её камере мой торс остался, но подсел я к ней поближе и говорю:

– Вы отдыхаете здесь или живёте?

– Отдыхаю, – говорит, а сама продолжает снимать.

– Можно с вами познакомиться?

– А зачем? – спрашивает. – Разве у вас тут нет друзей?

Как ледяной волною меня окатила. Не знаю, сидеть ли дальше или вставать да уходить к своему полотенцу. Но разговор всё же двинулся, она сама его и исправила. Я понял: ей интересно со мной. Она спросила, откуда я, а я поинтересовался, как её зовут и где она отдыхает. Звали её Мариной. И надо сказать, что имя это ей шло. Именно морского в ней было очень много. Загорелая, без косметики, со спутанными, непослушными волосами, она одинаково хорошо смотрелась и на пёстрой гальке, и среди морской пены, и на кривых улочках старого города. Мы много говорили, много плавали. Я подныривал под неё, она даже как-то прошлась по моей спине, как по дну.

Пригласил я её как-то на дачу, но она отказалась, неудобно, говорит. И что тут неудобного? Мы бы были наедине, никто бы нам не мешал. Я ж мужик всё-таки, этих разговоров да взглядов мне уже было мало, хотелось чего-то большего.

При этих его словах Лилька понимающе улыбнулась и взглянула на меня, а Сергей продолжал:

– Пообещал я поехать с нею вечером на пляж, но у меня

не получилось вырваться из дома. Дядьке выпить захотелось со мною, мы осилили литровую бутылку хорошей водки, потом пили ещё текилу и закусывали персиками. Я не мог сказать родственнику, что спешу к какой-то там женщине, он бы обиделся, а она ждала моего звонка. Когда дядька узнал, что из-за нашего кутежа я не поехал на встречу, предложил позвонить ей и пригласить на дачу, там ведь тоже пляж, причём не залив, как в Евпатории, а открытое море. И волны – держись! Но Марина отказалась ехать.

– Почему? – настаивал я. – Возьми такси, я оплачу.

– Я не могу ехать вот так, неизвестно куда! – заявила она.

– Ну что ж, тогда прости, что побеспокоил, – огорчился я, злясь на её упрямство. Своей вины в случившемся я не чувствовал.

Отказ Марины подействовал на моего дядьку, он тут же связался с каким-то Олегом, соседом по дачному посёлку, и попросил его отвезти меня в город.

Евпаторию этот Олег толком не знал, долго мы петляли по ночному городу, искали сначала Московскую улицу, потом злополучный санаторий. Наконец я позвонил Марине в первом часу ночи, разбудив её:

– Напомни, как тебя найти, где он, твой «Прибой». Я к тебе еду.

Женщина была огорошена, она возмущалась, что-то говорила, объясняла, что корпус закрыт, её не выпустят, но голос её звучал радостно. Я это чувствовал. И понимал: она меня

ждёт.

Когда я звонил ей, то боялся трёх вещей. Первое: она спит и не возьмёт трубку. Второе: её правда не выпустят, корпус ещё в 11 закрыли. И третье: что она откажется со мною ехать. Но мои опасения были напрасны.

Если бы не дядька – я, наверное, никогда бы не поехал ночью к ней и, возможно, мы бы больше не увиделись. Это было его решение и его поступок. Я стал простым исполнителем. Но выполнил всё хорошо. Когда я увидел её ночью, стоящую под кипарисами у ворот санатория, растерянную, с рюкзаком за плечами, – понял сразу: она поедет со мною, куда бы я её не позвал. И она поехала.

Олег нас высадил на берегу моря. Ох, и шторм же был в ту ночь! Волны своими гребнями просто светились в темени! Шли сплошной чередой, с грохотом и стоном. Нас было двое на пустынном ночном берегу. Я здорово выпил, но водке нелегко сбить меня с ног. Я тянул её в море, отчаянно, до боли сжимая худенькие женские пальцы, а она упиралась. Её пугали волны, пугал ревущий ветер, может, и меня она боялась в те минуты, не знаю. Наверное, боялась, потому что я был словно сам не свой. Она кричала, что ей страшно, уклонялась от моих рук, зовущих её на глубину. Но я был неумолим. Ни секунды мы не оставались рядом, как ни обнимали друг друга – море разъединяло нас, подхватывало, с силой ударялось в наши тела и выталкивало на берег. Пару раз меня просто вышвырнуло на песок, меня, моряка, с ве-

сом в 90 килограммов! Но я боролся, вставал, покачиваясь, и вновь бросался в пучину. Устав от борьбы со стихией или, скорее, от невозможности быть рядом, мы торопливо разыскали разбросанные по песку вещи и побрели к даче.

Дача у дядьки небольшая, но рядом с морем. Один домик одноэтажный, там всё сделано, а другой – в два этажа, но только верхняя площадка более-менее, жить можно, а остальное ещё не достроено. В комнате, куда мы поднялись, огромная кровать. Света нет. Я снял фонарик в саду и поставил у кровати, чтобы видеть мою Марину. Расстелил постель, что дал дядька, приоткрыл окно – пусть свежий ветер рвётся в комнату.

Ночь пролетела быстро. Мой неожиданный приезд, шторм, прыганье среди рёва и брызг – всё завело меня бешено! Марина лежала рядом, целовала меня, и я таял...

Проводник заглянул в купе, сообщил, что скоро Симферополь, пора сложить и сдать постель. Подъезжаем.

Рассказ Сергея прервался, но Лиля задумчиво продолжала сидеть и изучать соседа.

– А что же дальше? – не выдержала она. – Как ваш роман? Продолжался?

– Да, мы ещё встречались на пляже, но ключей от дачи я больше не брал, а она не могла пригласить меня в санаторий.

– Вы обменялись номерами телефонов или адресами? – продолжала выпрашивать Лиля. Эта история явно тронула её. – Не могло же такое знакомство закончиться ничем!

– А чем оно могло закончиться? – взглянул на неё Сергей.
– Она – здесь, я – там, у неё – своя жизнь, у меня – своя. Да и она старше меня была, не знаю, на сколько. Так, случайная встреча...

– Случайную встречу не помнят так долго, – не сдавалась Лиля. – Её забывают, как только возвращаются домой!

– Мы должны были встретиться ещё раз перед моим отъездом, – добавил Сергей, – я таки обещал увезти её на дачу, но после Севастополя напился вдрызг, полдня проспал, ещё полдня бесцельно провалялся на диване. Она прислала мне кучу эсемесок, писала, что ждёт. Мы договорились встретиться в половине одиннадцатого у фонтана, и оттуда уже на дачу. Шёл я по набережной сам не свой, похмелье одолевало. И, не дойдя до фонтана, заглянул в ночной клуб «Белый», так, выпить немного, прийти в себя. В клубе было ещё полупусто, посетителей мало. Подсела ко мне одна девчонка, смешливая, в короткой малиновой юбке. Ноги у неё были такие вот, как у тебя, Лиля, и эти ноги решили всё. Забыл я и про дачу, и про фонтан, и про Марину, что ждала меня там. Ночь провёл с этой девчонкой, не помню уже даже, как её звали. Утром, перед отъездом, позвонил Марине, хотел что-то соврать, извиниться, но она не взяла телефон и голоса её я так и не услышал. На пляж я утром не пошёл. Поезд мой уходил из Симферополя днём, дядька отвёз меня на вокзал. Телефон с сим-картой я тётке вернул, и только уже в поезде вспомнил, что там остались эсемески Марины, где она мне и

адрес свой скинула, и мейл. Даже телефонного номера её не осталось. Ничего. Одно только имя Марина. Хотел спросить у тётки, вдруг ещё сим-карту не выбросила, но почему-то не стал этого делать. Зачем? Всё равно ничего не вернёшь, не повторишь, не исправишь. Обычный курортный роман.

Я слушал его и понимал: он жалеет. Самому себе не хочет признаться, и всё-таки жалеет. И помнит её. Не зря же рассказал всё это нам, случайным попутчикам. После его рассказа я уже по-другому стал посматривать на Лильку и на нашу встречу с ней. Не хотел бы я потом, как Сергей, вспоминать наши с ней крымские дни.

Поезд дёрнулся в последний раз и застыл, пассажиры доставали вещи и тянулись к выходу. Сергей тоже взял сумку с подарками родне и, слегка переваливаясь, направился вслед за толпой. Белого костюма на нём в этот раз не было. Прощаясь, он пожал мне руку и улыбнулся Лиле:

– Пока! Не расставайтесь! Вы очень хорошая пара. Жаль, если ваша встреча станет первой и последней.

И махнул на прощание рукой.

Через неделю мы, опьянённые любовью и прелестями Крыма, тем же поездом возвращались домой. На этот раз нашей соседкой в купе была женщина, лет за тридцать. Симпатичная, с добрым взглядом и доверчивой улыбкой, она как-то сразу расположила нас к себе. Не молчала, заняв полку, а говорила легко и интересно. Нам она совершенно не мешала. Разговор зашёл, конечно, о Крыме, о море и загаре, о коли-

честве выпитого вина, о путешествиях по горам и морских прогулках. Казалось, наша соседка везде побывала и всё ви-дела.

Мне захотелось покурить, и я собрался в тамбур, но Лиля остановила меня:

– Смотри, а то оштрафуют тебя, как того Сергея из Кирова.

Женщина с интересом прислушивалась к нашему разговору. Лиля пояснила:

– Был тут у нас сосед в купе, как ехали в Крым. Так его оштрафовали за то, что в тамбуре курил.

– Удивительно, как иногда истории повторяются, – заметила соседка. – Один Сергей и тоже из Кирова когда-то курил в этом же поезде и тоже откупился. Ничего, Роман, курите спокойно: это российский поезд, на его территории украинские законы не распространяются.

Я покурил и вернулся, Лиля и соседка сидели и о чём-то душевно говорили, к их разговору я не прислушивался. Говорили о любви, как я понял. Начала разговора не слышал, но сообразил, что соседка говорит о какой-то давней истории, тоже связанной с Крымом. «Ещё одна сага», – подумал я, вспомнив слова Сергея. Ох, уж этот Крым!

– Мы встречались с ним на пляже, – рассказывала женщина. – Удивительный был человек! Ничего примечательного, такого, на что сразу обращаешь внимание, но обаяния море! Тихий, грудной смех. И обязательно ответишь на него улыб-

кой. Высокий, крепкий, спина широкая, сильная, надёжная мужская спина. Взгляд с искоркой смеха, глаза серо-зелёные, добрые, шальные какие-то. И вечные истории с ним происходят: то из окна его выбросят в драке (все руки в шрамах), то в машине больше десяти раз перевернётся – и ни единой царапины! На набережной ночью в туалет забрёл в неположенное место – а тут патруль! Назвал фамилию дяди полковника – отпустили и денег не взяли.

С пляжа мы обычно уезжали вместе, только он выходил на несколько остановок раньше, у Красной горки, а я добиралась до своего санатория. Прощаясь, он всегда целовал меня в щеку и обязательно махал рукой, ожидая, пока мой автобус тронется. Мне нравилось, как, сидя рядом или направляясь вместе куда-нибудь, он машинально искал мою руку, словно боялся меня потерять. Вот таким он был.

На первое наше вечернее свидание пришёл с игрушкой, маленьким рыжим лисёнком. Сказал, что вытянул его в автоматах. Мол, никогда не везло, а тут вдруг взял и достал.

– Он Вам нравился? – вступил и я в разговор. Даже не знаю, почему, что меня дёрнуло спросить об этом, но женщина мой вопрос восприняла спокойно и ответила:

– Сначала, на пляже, я просто выделила его из остальной массы отдыхающих. Он сидел на гальке и посматривал на плавающих. Когда я стала выходить из воды, навёл на меня фотоаппарат. Потом уже, когда узнала его лучше, он не то что понравился – он сразу ворвался в мой мир, брешь про-

бил в нём, как в корабле. И я стала просто тонуть и в его взгляде, и в голосе, и даже в простом пожатии рук. Всё было так неожиданно и радостно. Это трудно объяснить. Человека знаешь неделю, а думаешь о нём каждый миг и тянешься ему навстречу так, что трудно остановиться. Хотелось быть и быть с ним рядом. Когда он опаздывал на пляж – плавать не могла, всё поглядывала на останавливающиеся автобусы: не приехал ли? А он появлялся со стаканом ледяного пива, хитро прищурился и протяжно произносил:

– При-вет!

Я и сейчас слышу, как он говорит это. «Солнечный рай» ... Так назывался пляж.

– «Солнечный рай»? – вскинулась Лиля и вопросительно взглянула на меня. – Наш сосед по купе тоже вспоминал о нём, и мы как-то заглянули.

Поезд остановился на какой-то станции, и я вышел на перрон, прочь из душного вагона. Меня не оставляла мысль, что скоро мы подъедем к Харькову и нам с Лилей придётся расстаться. За эти семь дней я очень к ней привязался, каждое моё утро начиналось с её нежного лица, обращённого ко мне, с рук, охватывающих мою шею. И вот через несколько часов всего этого уже не будет. Возвращаться в раскалённый вагон не хотелось, но и упускать последние моменты нашего общения я не желал. Лиля тоже грустила, то и дело посматривала на меня, стараясь выяснить, как я отношусь к нашему расставанию, заняла ли она достаточное место в моём серд-

це. Но что я мог ответить определённого? Да, она мне нравилась. Да, нам было хорошо вдвоём – и на рассвете в горах, и в случайном кафе «Уют», и при подъёме на Ай-Петри, и не обрыве седловины, где мы неистово, словно в последний раз, целовали друг друга. Но достаточно ли этого, чтобы всегда быть вместе? Я ещё молод, чтобы принимать такие серьёзные решения. Я не знал, я сомневался и старался оттянуть момент, когда произойдёт решительное объяснение. Лиля тоже не торопила меня, но глаза её с каждой минутой моего молчания становились всё печальнее. А минуты уходили и уходили...

Наверное, именно эта неопределённость и недосказанность сблизили Лилю с соседкой. Они разговаривали негромко и, как видно, хорошо понимали друг друга.

– Представьте, Лилия, – говорила соседка, когда я встал на пороге купе, – мы договорились встретиться у моря, он обещал, что напишет, когда освободится от внимания своих родственников. Я вымыла волосы, оделась, подкрасилась и ждала его до самой ночи. Но он так и не позвонил и не приехал. Когда я уже перестала ждать, предложил мне, чтобы я брала такси и ехала куда-то за город, к чёрту на кулички. Как было не обидеться? Конечно же, я возмутилась и заявила, что никуда не поеду.

– Ну что ж, прости, что побеспокоил. Спокойной ночи, – вот и всё что он мне сказал. Даже не извинился, ничего не объяснил. Впрочем, он никогда не извинялся. Можно пред-

ставить, с каким сердцем я легла спать!

Лиля с тревогой посматривала на соседку, а потом на меня. Она уже догадалась: историю, что рассказывает наша новая знакомая, мы уже слышали несколько дней назад, но только от другого человека. Стоило ли говорить этой женщине, что человек, о котором она вспоминает, сейчас в Крыму? Они ведь могли встретиться в Евпатории, их пути могли пересечься. Но судьба их всё же не свела...

А женщина продолжала рассказывать Лиле, потому что я тактично оставил их вдвоём, забравшись на вторую полку:

– Около часу ночи он позвонил. Я уже спала. Что ему ещё от меня надо? – подумала, увидев, что звонок от него. А он спросил, как найти мой санаторий. Подруга спала. Чтобы не будить её, я вышла в душевую и возмущенно стала его урезонивать, объясняя, что корпус давно на замке и я не смогу выйти. Но остановить Сергея было невозможно. Я собралась за одну минуту: натянула какие-то шорты и майку, в рюкзак бросила телефон и ещё деньги, потому что не представляла, куда и зачем иду. Чудо ждало меня: двери корпуса были открыты, расстроенная дежурная сидела в кресле коридора и неодобрительно поглядывала на часы. Заехавшие утром курортники лихо отметили начало отдыха, крепко выпили и теперь не желали расходиться по комнатам, а стояли и сидели перед корпусом, громко разговаривая и смеясь. Уже без чьего-либо разрешения я молча выскользнула на улицу. Входные ворота на территорию санатория тоже оказались откры-

тыми.

Глубокая ночь. Чужой город. Ритмичные и слишком громкие мелодии «Малибу» в парке Фрунзе. И я стою у ворот растерянная и взволнованная, поднятая с постели. Он едет ко мне – это единственное, что я понимаю. Затормозила светлая машина, и из неё показался Сергей с букетом жёлтых хризантем, он сунул цветы мне в руки и ласково, торопливо сказал:

– Пошли.

Сказал одно слово, и я, не раздумывая, прижав к лицу горьковато пахнущие хризантемы, пошла рядом с ним к машине. Он что-то говорил о дяде, поднявшем среди ночи соседа, о поисках моего санатория, а я ничего не слышала – я прижималась к нему на заднем сидении, клала голову на его плечо и чувствовала, как увлажняются глаза, как просятся наружу неуместные слёзы.

Можно ли забыть такую ночь? Ничего особенного, вроде, не случилось. Мы просто оказались на диком берегу, одни, среди грозного беззвёздного неба и разъярённых волн, рвущихся в нашу сторону. Никаких посторонних звуков, теней, огней – только море, берег и мы. Признаюсь, было до ужаса страшно идти навстречу жадным волнам, простирающим к нам свои набег. «Если я сейчас утону, – подумала я тогда, – то никто даже не узнает, что со мной случилось. Я просто исчезну для всех». Когда я спешила к Сергею, то даже не разбудила Машу, свою соседку, не предупредила, куда отправ-

ляюсь, не оставила никакой записки – ничего! Мы, как сумасшедшие, с диким восторгом обнимали друг друга, Сергей пытался взять меня на руки, отнять у морских накатов, но ревнивое море ни разу не позволило ему это сделать. Оно швыряло нас в разные стороны, причём меня – рассерженно, но мягко, а его – с каким-то буйным остервенением.

Одежду сразу нам найти не удалось, она валялась на песке. К даче мы шли, взявшись за руки, и я уже понимала, что люблю его, как любила только в детстве: отчаянно и безысходно.

К домику, куда он повёл меня, вели две тропинки, проложенные в маленьком саду. Персики и абрикосы приковывали взгляд, и он мне сорвал пригоршню абрикос (как-то на пляже я сказала, что очень люблю абрикосы). В спальню, приготовленную для нас, вела винтовая лестница, и я поднималась по ней, чувствуя, как дрожат колени...

Уснули мы только под утро. И каким счастьем для меня было пробуждение рядом с ним! Его запах, размеренное дыхание, его мягкие руки, плечо с татуировкой, его полусонный, слегка бессмысленный взор, обращённый ко мне, когда я поцеловала его...

Соседка замолчала, но слышно было, как она взволнованно дышит. И я не выдержал, совсем забыв, что «сплю», и спросил, свесившись с полки:

– Как Вы думаете, а он Вас любил?

Она помолчала, перевела рассеянный взгляд за окно, где

уже начинало темнеть, и только спустя какое-то время, справившись с волнением, ответила:

– Думаю, нет. Иначе бы он не уехал, не попрощавшись. И написал бы мне хоть две строчки, мне ведь больше ничего и не нужно было от него. Для мужчин такие встречи – всего лишь развлечение, возвращаясь домой, они многое забывают и не думают, что будет с нами после. Забывают и живут себе дальше. Думаю, что и он давно забыл обо мне. Обычный курортный роман...

Наверное, именно эти с тоской обронённые слова заставили меня соскочить на пол, сесть напротив неё и сказать:

– Он помнит Вас. Честное слово. Он сам сказал нам об этом. Мы ехали с ним неделю назад в этом же поезде, и он рассказывал о той ночи и о Вас.

Она не верила, она была ошеломлена и смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

– Вы же Марина? – подключилась и Лиля. Женщина кивнула.

– Значит, он в Евпатории? – задумалась она. – Да, да, конечно, он ещё там, до дня военно-морского флота он не уедет. Значит, ещё успею! – глаза её возбуждённо блеснули – Я его найду! – воскликнула она и неожиданно подхватила, подняла свою полку, достала рюкзак и рванулась к выходу, потому что поезд как раз подъезжал к какой-то станции. Потом вернулась, поцеловала Лилю, хлопнула по плечу меня и сказала:

– Спасибо вам. И ещё: будьте вместе! Это такое счастье – быть вместе!

Я так и не знаю, нашла ли она Сергея, встретились ли они. Но часто, закрывая ночью глаза, я вижу далёкий дачный посёлок, безлюдный берег и два сплетённых силуэта на фоне вздымающихся волн. А мы с Лилей действительно вместе. Не знаю, может быть, именно эта история, «крымская сага», как называет её Лиля, помогла нам понять, что нельзя терять любовь, нельзя выходить навстречу друг другу и проходить мимо.

Глава

Виртуальное счастье

Вчера он на меня обиделся. По-своему он прав. Его можно понять. Но... Как мне объяснить ему, почему я не хочу и боюсь этой встречи? Поймёт ли он меня?

Мы знакомы уже три года, знаем всё друг о друге. Знаем привычки, каждую деталь биографии, подробности внешности. Я в курсе, что он любит есть на завтрак, что читает перед сном, какую музыку слушает, валяясь на своём диване. А ему известно, какого цвета моё бельё, как я реагирую на поцелуи спины, что нравится и не нравится мне в сексе. У него целое фотодосье на меня и такое же количество видео, а у меня – галерея снимков, сделанных им по моей просьбе на улицах своего любимого города.

Каждый наш день начинается с короткого «привет» и заканчивается привычными тремя словами «я тебя люблю».

Если неделю мы не общаемся – я начинаю хандрить, болеть, набираю вес, дурнею на глазах, а у него появляются проблемы на работе, потому что он становится раздражительным, несдержанным, агрессивным. Потом мы миримся – и жизнь опять обретает свой смысл.

Мы – счастливая пара, потому что любим друг друга. И странность нашей любви только в том, что друг с другом

мы никогда не встречались. Ни разу. Мы живём на разных концах земли, я – на её восточном полушарии, а он – на западном. И между нами – страны и океаны, тысячи и тысячи миль. Наше общение виртуальное.

И вот вдруг ему пришла в голову мысль наконец-то встретиться, увидеться где-нибудь на нейтральной территории, в какой-нибудь экзотической стране, куда бы мы могли вырваться во время отпуска. Я решительно и совершенно неожиданно для него ответила: НЕТ! И не могу ему толком объяснить, почему я так сделала.

Сейчас он для меня – самый дорогой человек на свете, тот, без которого я уже не могу жить.

И вот мы встретимся. Я увижу его – и то, что так трогательно целых три года создавала моя умница фантазия, рухнет в одно мгновение! Передо мной предстанет совершенно иной человек, человек, которого я вообще не знаю и, возможно, никогда не приму. Может, он будет самовлюблённым и эгоистичным, скупым и мелочным, хитрым и расчётливым, не так обнимет меня, как мне хотелось бы, или окинет удивлённым взглядом, разочарованно вздохнув (я ведь тоже могу оказаться далёкой от его представлений обо мне). Мне может не понравиться его улыбка с ироничным привкусом и хитрым прищуром глаз, его запах, потливость тёплой и слишком мягкой ладони. Возможно, мне даже не захочется остаться с ним наедине в спальне, и я, поёживаясь, буду кутаться в наскоро наброшенный на голое тело халатик и

опасливо поглядывать на того, кто лежит со мною рядом. А он в это время притворится, что спит, а сам будет думать с тоской:

- Ну и влип же я! Лучше бы рванул куда-нибудь на Мадагаскар или в Австралию!

Неужели же я буду рисковать тремя годами безмятежного виртуального счастья ради нескольких непредсказуемых дней, которые всё равно ничего не изменят в моей жизни?

Сегодня вечером он позвонит, а я так и не знаю, что ему ответить.

Глава

Таинственное исчезновение

Село взбудоражила новость: пропала баба Наталья! Точнее, не взбудоражила, а озадачила: куда могла деться восьмидесятитрёхлетняя старуха из собственного дома в январскую ночь? Никаких догадок, версий – ничего! Вместе с нею исчезла и собачонка, вечно шныряющая под ногами хозяйки.

Баба Наталья уже пару лет как не в себе, не узнавала старых знакомых, родственников не жаловала, ссорилась со всеми, а дети жили далеко, на Севере. Сын умер, а старшая дочь и внуки наезжали изредка, денег подбрасывали. С собой не звали, а договорились с соседями Куликами, что те будут присматривать за старой женщиной, а огород и сертификат на земельный пай им достанутся. Кулики согласились. Тяжело, что ли, пройти пятьдесят метров да покормить старуху? Тем более, что она рассудком слаба, в еде непереборчива, ни на что не жалуется. А огород у бабы Натальи чистейший, ни камушка, ни соринки, и рядом с их собственным, только через тын перешагни. Да и семь гектаров земли не лишние.

Марья Ивановна Кулик в тот день встала рано, сразу после четырёх, подоила коров, процедила молочко и, оставив ведро на веранде, побрела по тропинке к Наталье.

Всю ночь шёл снег, двор перед домом был белым, нетронутым. Какая-то тревожная тишина встретила её. Не слышно было Бублика, встречавшего её своим противным визгом, да и следов собачьих во дворе не было. Дверь отворила – пахло привычным старушечьим запахом: валерьянкой, воском, травами, камфарой, кислым борщом. Пальто старухи висело в прихожей на криво вбитом гвозде, пуховый платок сполз на пол, а постель, скомканная и давно не стиранная, была остывшей. И самой бабы Натальи не было. Пропала!

Новость сразу облетела всё село, чего только не думали! Вышла раздетая ночью, остановила машину и куда-то уехала. Опять же вышла ночью, а её сбила машина, труп отвезли подальше и выбросили. Убили в доме и опять-таки вывезли, избавились от тела. Была и оптимистическая версия: сидит в доме у кого-нибудь в соседнем селе, а её тут ищут. Слухи были разные, но время шло, а о бабе Наталье новостей не было.

Позвонили в Тюмень, сообщили Раисе, та шумно разволновалась и собралась приехать. Кулики обзванивали односельчан, не заблудилась ли она и не попала ли к кому. Но никто её не видел и ничего о ней не знал. Собака тоже не показывалась. Пропажа собаки вместе с хозяйкой делала эту историю ещё таинственнее.

- Хорошо бы собраться всем селом да отправиться на поиски, - предложил кто-то. – Обойти все закоулки, посмот-

реть на скалах, у реки, пройти посадки, что к селу прилегают.

Мысль людям понравилась, её обсуждали, смаковали, одобряли, гордились даже собственным решением.

- Присела где-то и сидит, - сердоболили старики. – Может, за сараем чьим-нибудь или в поле. Искать надо...

Надо искать!! Так думали и говорили все. Встать цепочкой да в разные стороны! Каждый куст, каждую ложбинку, каждую постройку старую осмотреть. Сколько часов снег валил, могло и занести снегом, рядом пройдёшь и не заметишь. Да и мороз крепчает, уже за 20 перевалил. Сколько ещё раздетая старуха на таком морозе продержится?

Говорили днём, говорили вечером. Ночью кое-кто уже злорадствовал: «Повезло родичам, хоронить не надо, на гроб да могилы тратить. Пропала – и с концами». Про Куликов тоже поговаривали: «Оставили бабку незамкнутой, специально, небось. Сертификат забрали, земля уже ихняя, а там, может, и дом им достанется. Райке он начто? Она на Севере такие деньжищи имеет, что ей пара тысяч гривен – как корове седло». А как её было замкнуть, эту бабу Наталью? Вдруг пожар? Она же и не выскочит! Сколько раз на горячую плиту пластмассовые вёдра ставила, вещи стелила. Но рот людям не закроешь, своего ума не вставишь, вот и ползут слухи один нелепее другого.

Второй день клонился к вечеру, в домах уже зажглись огоньки, мороз стал ещё крепче, снег так и похрустывал под ногами! Бросая взгляды за окно, люди качали головами: они

в тепле, а старуха-то где – не известно! Раздетая да в такой мороз! Многим было жаль, многим – всё равно. Мысль о совместном поиске пропавшей ещё витала в воздухе, но уже начинала угасать, никто не верил, что бабка отыщется. Много времени прошло, вот если бы сразу, по горячим следам! Сочувствие тоже стало ослабевать, оставалось одно недоумение: что же всё-таки произошло?

Марья Ивановна замесила тесто, нажарила пирожков, подумав: поминальные. Семья ела с удовольствием. Иван Игнатьич, макая пирожок в растопленное масло да вытирая саленую бороду, хрустел поджаренной корочкой и словно чего-то ждал. Заглянула соседка, глаза совиные от любопытства:

- Ну что, не слыхать? Не нашлась?

- Найдёшь тут, - вздохнули все разом.

- Раиса завтра приезжает, - Марья Ивановна подвинула соседке миску с пирожками. – Может, она что придумает.

- Похоронить бы хоть по-людски, - вступил в разговор и Иван Игнатьич, - а то костей по весне не найдёшь, собак бродячих столько развелось, обгрызут!

Племянница бабы Натальи Алёна вообще о родственнице слышать не хотела. Отдала полоумная землю чужим людям – туда ей и дорога! В уме была – всех хаяла, а сейчас и вообще никому не нужна. Дочка родная – и та едет только, чтобы люди плохо о ней не отзывались. Любила бы мать – забрала бы с собою на Север, а то бросила одну в старой хате!

Дети Алёны думали так же. Интересно, был ли хоть один

человек в селе, который искренне жалел о пропавшей? Она проработала сорок два года в колхозе, кормила трактористов второй бригады. Повар неплохой, но грубовата, скандальна, неуживчива. О мёртвых – ни слова плохого – это не для наших людей. Тут умри – и всё о себе узнаешь. Но ведь столько же лет бок о бок с людьми! Что-то же было хорошее!

Шли третьи сутки, поисков всем миром так и не было. Походила приехавшая Раиса с Куликами по селу, позаглядывали в речку, на том и кончилось.

За околицей, на выгоне, занесённые снегом, одиноко белели останки стены старого здания, в котором размещалась когда-то колхозная столовая. Ничто уже не напоминало о славном трудовом прошлом: ни колхоза, ни тракторной бригады, ни столовой. Не было уже ни дубовых столов с клеенчатыми скатертями, ни грубо сколоченных лавок, ни искусственных цветов в облупленных вазах. Даже запаха вермишелевого супа не было. Были холод, мрак и покой. Под стеной, в углу, уютилась небольшая фигурка в оранжевом халате, цвет которого был едва различим под слоем наметённого снега.

Сюда, на своё старое рабочее место, потянуло бабу Наталью в глухую январскую ночь, подняло с тёплой постели и словно сказало: иди. И она встала и пошла. Ей не было холодно, не было страшно идти по безлюдной дороге. Совсем немного прошла она. И зачем угодно было судьбе заманить сюда не осознающую себя женщину? Что и кому она сделала плохого? Сидела бочком у стены, вытянув ноги, глядела

в поле, не чувствуя дрожи уходящей жизни. Была ещё жива. Пёс жалобно скулил и прижимался к ней, согревая своим теплом.

- Бубличек, - шептали холодеющие губы, но звука почему-то не было. А пёс не помнил, чтобы она при старой их жизни так его любила и жалела, могла и ногой ударить, и подвернувшейся под руку кочергой. Но собака не помнила зла. Только собачье тепло и не давало ей погрузиться в вечный сон.

Женщина была жива ещё два дня. А поисков её так и не было.

Глава

Ночной гость

Зима... Запеленала она небольшое волостное село, закружила, завьюжила, сковала льдом и засыпала обильным декабрьским снегом. Все дороги перекрыла, не видать ни тропочки, ни стёжечки, вообще ничего не видать. Сплошной белый саван. Нижняя часть селения, петляющая вдоль узкой, озябшей реки, ещё хоть как-то оживлялась то струйкой дыма из разваливающейся трубы, то одинокими фигурами бредущих в кабак мужиков, а вот верхняя, что умостила на скале, нависающей над речной долиной, была безмолвной, здесь стояла мёртвая тишина.

С самого края села, на скале, сиротливо выглядывала из снежного наста хата. И жила в ней Полина Тимофеевна Кузьмина. Женщина одинокая, бездетная, но образованная, по мнению односельчан. Всё её образование складывалось из переданных бабкой Лукиничной, знахаркой, известной на всю волость, знаний по приёму младенцев. Как только кто-то в селе ждал прибавление, тут же звали и Тимофеевну, женщину серьёзную, спокойную и, как верили люди, лёгкую на руку в таком деле. Ещё ни один младенец не умер и не покалечился из тех, которых ей пришлось принять у молодых мамаш. «Везучая», - говорили бабы. «Своё дело добре зна-

ет», - поддакивали и мужики. Мужикам, которые в этом и не смыслят ничего, достаточно было мнения баб. Полину Тимофеевну не обижали, платили тем, что у кого было: кто яиц даст, кто хлебушка выпечет, более щедрые да богатые кредитками расплачивались, правда, она их не тратила, а складывала в старый сундук на чёрный день.

Шёл 1911 год. Зима выдалась на славу: снежная, дни стояли морозные, ядрёные. С утреча снег от хаты откинешь, а к обеду уже от протоптанной тропки ничего не остаётся. А уж утром вновь как высунешься за порог, а там мать честная! Снег по самые окна, двери и то не сразу откроешь, хотя они и внутрь открываются.

С вечера растопила Тимофеевна печь, поставила в неё борщ, чтобы не остыл, а сама сидела у окошка, читала. Свечей не было, на столе у неё горел каганец, скрученный из тряпочки фитиль, плавающий в небольшой лужице масла. Из книг у неё водились Новый Завет да какой-то календарь, подаренный волостным старостой, у которого полгода назад родилась дочка. Долго разбирала Тимофеевна при слабом свете буквы, они почему-то сливались, хотя зрение у повитухи было отменным, несмотря на её полувековой возраст.

Завывания выюги за окном её не пугали, родить пока что никто не собирался, так что, выходить за порог не придётся. У Синчуков невестке ещё недели три ходить, а Поярковы вообще заявили, что повезут свою дочку в город, в настоящую больницу, к доктору. Ну что ж, не доверяют ей, их понять

можно.

Время уже позднее, пора и спать ложиться, тем более что утром она собиралась в церковь. Нужно Николаю Угоднику свечку поставить, за здоровье поблагодарить, спокойной жизни попросить, чтоб детишек поболее рождалось, тогда и она людям нужна будет. Время сейчас тяжёлое, только людской благодарностью и живёшь. Фитилёк, тронутый деревянной ложкой, придавленный в блюдечко, мигнул разок, да и погас, оставив по себе запах гари.

Полина Тимофеевна успела взобраться на единственную в её хате кровать, долго умащивалась, поворачиваясь то на бок, то на спину, тянула на себя лоскутное одеяло, сшитое из разноцветных кусков. Огонь в печи давно погас, а тепло, хранимое старыми стенами, просачивалось наружу, остуживая такую тёплую за час до этого комнату. Вот уж и сон стал морить её, поплыли перед глазами люди, которых знавала раньше, всё больше умершие. Навестил и Иван Шкурко, молодой, белозубый, любила его в молодости, да не вернулся он домой, угодил в солдаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.